
Научная статья
УДК 821.352.3
DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-1-67-196-202

ПАРАДОКС ЛИЦА В РАССКАЗЕ ЗАУРА КАНКУЛОВА «СОН»

Инна Анатольевна Кажарова

Институт гуманитарных исследований – филиал Федерального государственного бюджетного научного учреждения «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр Российской академии наук», Нальчик, Россия, barsello@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7431-0840>

© И.А. Кажарова, 2025

Аннотация. Основной предмет исследования составляет способ изображения моральной и физической ипостасей человеческого облика в рассказе З.М. Канкулова «Сон». Показано, что в образном ряду рассказа наибольшую смысловую нагрузку принимает на себя человеческое лицо. Парадокс лица в рассматриваемом рассказе возникает во многом за счет совершающейся в фантасмагорическом сюжете сна игры прямого и переносного смыслов адыгского слова «напэ». Приводятся культурологические комментарии, необходимые для понимания нюансов, отличающих лицо в адыгской языковой картине мира. Парадокс и символизм лица определяется с особой выразительностью благодаря сновидению героя. Сновидение дает возможность наглядно наблюдать соприсутствие и взаимодействие морального и физического планов бытия лица. Мастерски применяя поэтику сна, писатель сосредотачивается на лице как «основном органе» совести, но при этом не столько создает образную оболочку смысла, сколько возвращает привычному, примелькавшемуся образу его буквальный смысл.

Ключевые слова: Заур Канкулов, рассказ, сновидение, лицо, облик, образ, граница
Для цитирования: Кажарова И.А. Парадокс лица в рассказе Заура Канкулова «Сон» // Вестник КБИГИ. 2025. № 4-1 (67). С. 196–202. DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-1-67-196-202

Original article

THE PARADOX OF THE FACE IN ZAUR KANKULOV'S NOVELLA "THE DREAM"

Inna A. Kazharova

Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardino-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences», Nalchik, Russia, barsello@rambler.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7431-0840>

© I.A. Kazharova, 2025

Abstract. The main subject of the study is the way in which the moral and physical hypostases of the human form are depicted in Z.M. Kankulov's short story "The Dream". It is shown that in the figurative series of the story, the human face assumes the greatest semantic load. The paradox of the face in the story under consideration arises largely due to the play of direct and figurative meanings of the Adyghe word "nape" in the phantasmagorical plot of the dream. Culturological comments necessary for understanding the nuances that distinguish a person in the Adyghe linguistic worldview are given. The paradox and symbolism of the face is defined with special expressiveness due to the hero's dream. A dream makes it possible to observe firsthand the co-presence and interaction of the moral and physical planes

of being of a person. Masterfully applying the poetics of sleep, the writer focuses on the face as the “main organ” of conscience, but at the same time he does not so much create a figurative shell of meaning as returns its literal meaning to the familiar image.

Keywords: Zaur Kankulov, story, dream, face, appearance, image, border

For citation: Kazharova I.A. The paradox of the face in Zaur Kankulov’s novella “The dream”. Vestnik KBIGI = KBIHR Bulletin. 2025; 4-1 (67): 196–202. (In Russ.). DOI: 10.31007/2306-5826-2025-4-1-67-196-202

Подобно любому из рассказов Заура Канкулова, «Сон» невелик по объему – всего лишь две с половиной страницы, – но богат смыслами, которые мотивируют к его медленному прочтению.

Уже название создает некоторые ожидания относительно того «слоя реальности», который, вероятно, заявит о себе как основной. Так и есть: большая часть произведения – это воспоминание героя о сне, виденном накануне.

Как нередко бывает, события и образы сновидения с точки зрения бодрствующей яви предстают в форме фантастической, иллюзорной. Но, имея представление о сновидческих эпизодах, фигурирующих в других произведениях З.М. Канкулова (повесть «Затерявшийся в городе», рассказы «Белая копоть» и «Разговор в ночи»), можно предвидеть заранее, что и во «Сне» фантастическое являет собой не столько знак иллюзорности происходящего, сколько способ более глубокого понимания мира, обнажения того, что часто маскируется за привычностью его эмпирики.

Несмотря на то, что сон как особый *текст в тексте* (И.Н. Сухих) занимает большую часть рассказа, бодрствующая и сновидная реальности все же присутствуют здесь параллельно. Ведь если увиденный сон – это основное событие, то бодрствующая реальность – это основная точка зрения, с которой осмыслено это событие, она выступает неким «прологом» к нему, и она же отмечает его финал. Сначала мы наблюдаем «дневную» удрученность героя после увиденного сна, а в конце рассказа – подобное же состояние, только после ночного пробуждения.

Примечательно, что Заур Канкулов делает упор на самом нетипичном и избыточном из так называемого онирического арсенала художественной литературы – на энергии, вернее инерции сна, которая иной раз воздействует на пробудившегося очень долгое время. В данном случае это ощущение подавленности от увиденного во сне. Причем собственно сюжет сновидения тоже пронизан этой подавленностью, поскольку перед нами не первоначальная, а в некотором смысле вторичная картина сна – припоминание приснившегося, уже окрашенное настроением сновидца.

Яркое сновидение озадачивает вопросом о заложенном в нем смысле, о вероятном предвестии, а если сновидение еще и оставляет гнетущее чувство, поиск истолкования может казаться человеку чуть ли не чем-то насущным. Вот и Муагиду Тобикановичу (так зовут главного героя рассказа) требуется время, чтобы «переварить» странные образы, увиденные во сне: направляясь поутру в свой кабинет, он предупреждает секретаря о том, что его «ни для кого нет».

Вкратце сон героя рассказа таков: странный рынок, на котором торгуют странным товаром. Огромная, многолюдная территория. Длинные прилавки, покрытые белой тканью. Почему-то не видать, чтобы продавали фрукты или овощи. Прохаживаясь вдоль рядов, Муагид становится свидетелем диких сцен: двое покупателей торгуются за чистый лик, выложенный на прилавок неким человеком, а дальше – за другим прилавком другой продавец пытается сбыть с рук родной язык...

Просматривая изобразительный ряд рассказа «Сон», трудно не заметить внимание автора к облику своих персонажей. Так, в этом сновидении торговцы и покупатели столь же примечательны, сколь и товар. Не случайно в каждом из эпизодов «купли-продажи» Заур Канкулов не упускает возможности упомянуть особые приметы ее участников. И, конечно, в первую очередь оказывается актуализированным лицо.

О лице как самой запоминающейся части облика в рассказе «Сон» сказано немало, оно меняет выражение, оттеняется смысловыми тонкостями, свойственными языку оригинала (*напэ* в значении *лицо* и *напэ* в значении *совесть*), можно заметить, что и написание этого слова немного варьируется – *напэ* иной раз упоминается с большой буквы. Но главное, что более всего ощущение ненормальности происходящего в сновидении Муагида обусловлено эпизодом, в котором происходят метаморфозы человеческого лица. Именно эта парадоксальная выразительность приковывает к себе особое внимание.

Едва ли стоит приводить какие-либо аргументы в пользу того, что «лицо – самая чувствительная, утонченная, самая культурная часть нашего тела» [Волошин 1988: 400]. Совпадая в трактовке лица как особой части тела, разные культуры улавливают в нем собственные смысловые оттенки.

Как известно, в адыгском языке *напэ* имеет несколько значений, основные из которых сопряжены с образом человека. Так, человеческое *напэ* имеет прямое значение – это *лицо*, *щека*, и переносное – *совесть*, *честь*. Во многом парадокс лица в рассказе Заура Канкулова возникает за счет игры смысла прямого и переносного, с явным перевесом второго.

В связи с этим уместно привести категории, которыми оперирует Б.Х. Бгажноков, говоря о лице в этическом бытии адыгов: *честь*, *совесть*, *репутация* – *напэ*; психология и психофизиогномика чести и стыда; *лицо* в контексте представлений о моральной идентичности. Многие типичные в данном контексте представления, как то: *напэ илэн* – *иметь лицо (совесть)*, *напэ хужь* – *белое лицо (чистая совесть)*, *напэнишэ* – *не имеющий лица (совести)*, и *напэм кьэнжал тебзащ* – *его лицо покрыто жестью* [Бгажноков 1999: 71–73], определяют развитие «темы лица» в рассказе «Сон». Однако несмотря на типичность и даже некоторую обыденность этих представлений, Заур Канкулов успевает раскрыть столько нюансов, показать столь быструю их смену и трансформацию, что остается лишь удивляться, как все это умещается в произведении столь малого объема.

На белый прилавок выкладывают чистейшее человеческое лицо (*напэ кьабзэ дыдэ*). Мимоходом заметим, что толкование адыгского *напэ* как *лицо* и *совесть* в данном случае расширяет возможности перевода, но, с другой стороны, нарушает «логику» развертывания образа.

Вот появляются двое заинтересованных товаром, один из них спрашивается о цене:

– *Сыт жыплэр напэм?* – *цлэупуцлащ цэхуаклуит* *лым я зыр* [Къанкъул 2004: 86].

В художественном переводе:

– Почему совесть? – спрашивает один [Канкулов 2022: 120].

Напэ переведено как *совесть*, и справедливость такого решения подтверждается дальнейшим развитием событий, когда заходит речь о «какой-нибудь небольшой должности» как цене, запрашиваемой продавцом за этот товар, и о поддельных справках как альтернативной цене, предлагаемой покупателем. Однако парадоксальность ситуации (хотя во сне и не такое возможно) состоит как раз в том, что на прилавке покоится именно реальное, физическое лицо, и при этом лицо торговца пребывает на своем месте. Пока на месте. Пока торг не завершён. Заур Канкулов изображает лицо продавца отдельными и весьма выразительными штрихами: *сверкнувшие в улыбке золотые коронки, губы, сомкнутые словно кошелек скупца, огоньки, сверкнувшие в глазах* при виде должностного кресла. Кроме того, всякий раз упоминается, что носитель этого лица мужчина приятной наружности – *лым фафлэишхуэ. Фафлэ* – человек с привлекательной внешностью [Адыгэбзэ псалъальэ: 664]. То есть торговец этот добротный, симпатичный мужчина. Но приятность эта с подтекстом.

«Сон» дает возможность воочию наблюдать два плана бытия лица – моральный и физический – в их соприсутствии, сопричастности и взаимодействии. Словно идут в связке внешняя приятность и духовная неоднозначность.

Любопытно, что и после завершения торгога, тогда, когда вместо лица торговца (вернее поверх образовавшейся пустоты, как уточняет З. Канкулов) появляется ржавая жесь, он, как и прежде, характеризуется как *лЫ фафлэшхуэ*:

«Мулэхьид Тобикъанович гу лъитац шэнтжэей лъагэр лъых лЫ фафлэшхуэм и Напэм и пэкIэ иджы илэ къэнжсал улъиям. Ар напэм тебзат, нэгъуэщлугу жьыпIэмэ, иджы зыми тебзатэкъым» [Къанкъул 2004: 87].

«Муахид Тобиканович заметил, что у этого приятного мужчины, уносившего высокое кресло, вместо Лица теперь ржавая жесь. Она покрывала лицо, иначе говоря, она располагалась теперь поверх пустоты» (Перевод наш. – И.К.).

Парадокс и символизм заключается в том, что даже когда произошло нечто странное, трудновообразимое, это, в общем-то не нарушило контекст приятности его облика...

Удерживая в одном образе природу модальную и физическую, автор совершает плавные переходы от прямого к переносному смыслу лица при помощи графики:

– Тхъэ солуз, и къабзагъэкIи мытэмэм дьидэ мы уи Напэр икIи хужь дьидэуи щымыт. Нэгъабэ мыхъу абы и щыпэгъэм си нитIкIэ слъагъуу мис апхуэдэ зы справкэкIэ Напэ хъэлэмэт яхъуэжсац [Къанкъул 2004: 86].

– Богом клянусь, не такое уж оно чистое, это твое Лицо, да и не совсем белое. В позапрошлом году я сам видел, как на такую вот справку обменяли вполне замечательное Лицо (Перевод наш. – И.К.).

Утрата лица, покрытое жесью лицо, или, как уточняет З. Канкулов, отсутствие лица и присутствие на его месте ржавой жести. По поводу всего этого напрашиваются лингвокультурологические комментарии. Не будь необходимости в переводе, они вряд ли бы возникли.

Обобщающий момент в том, что, как подчеркивал Б.Х. Бгажноков, «у многих – практически у всех народов мира лицо служит общим выражением моральной идентичности, вовлекается в процесс личностной и публичной самопрезентации» [Бгажноков 1999: 75]. В подтверждение этого исследователь соотносит адыгское представление о лице с представлениями англичан, японцев и китайцев.

В то же время со стороны личностной и публичной самопрезентации лица могут обнаружиться некоторые индивидуализирующие особенности. В этом плане многое поясняет представление об утрате лица в русской языковой картине мира. Так, Л.И. Богданова, исследуя значение в русском языке фразеологизма «потерять лицо», замечает, что «многозначность слова **лицо** приводит к тому, что фразеологизм *потерять лицо* может передавать целый комплекс значений, среди которых основными являются следующие: утрата индивидуальности, отличительных черт личности, потеря репутации и уважения в глазах окружающих, утрата контроля над собой, своими эмоциями. Оценочные характеристики фразеологизма *потерять лицо* также отличаются от оценки «*потери стыда*» или «*потери совести*» – уточняет она. «*Потеря стыда (совести)*» получает общественное порицание, «*потеря лица*» отрицательно оценивается и болезненно осознается самим субъектом». [Богданова 2022: 78].

Сообразуясь с этими наблюдениями несложно заметить, что потеря лица в адыгском контексте вовсе не соотносится с потерей индивидуальности, имиджа, с утратой контроля над собой и своими эмоциями. Примечательно также, что в русской языковой картине мира потеря лица – это процесс обратимый, а вовсе не «моральный приговор как в случае с потерей совести или стыда» [Богданова 2022: 86].

В адыгской языковой картине подобная обратимость немыслима. Здесь выступает доминантой не столько оценка или состояние субъекта, испытывающего эту потерю» (Л.И. Богданова), сколько оценка социума, которая мыслится гораздо значимей собственных переживаний субъекта.

Не менее, чем метаморфозы, произошедшие с образом человека, продавшего лицо, примечательно сопоставление двух других персонажей: продавца и предполагаемого покупателя родного языка.

Этот «некто», продающий родной язык, судя по внешним признакам, вернее, по невозмутимому лицу, занимает в торговой иерархии этого рынка неплохие позиции и, возможно, находится уровнем выше предыдущего продавца. Он несуетлив, уверен в себе и даже горделив:

«...Мес, мобдеж зыгуэрым и бээр щецэж. А «зыгуэрыр» зыгъэукIытэфын щымыIэу фэ тетт, хуабжэу пагэц. Лъэныкъуэ иригъэзыну мурад ицIа и бэм зэреплэ щыIэкъым. Цыхухэм яхоплэ, цэхуакIуэ кылтыхуэу» [Къанкъул 2004: 86].

«...Вон там неподалеку кто-то продает родной язык. Этот «некто» имеет вид человека, которого едва ли можно чем-то пристыдить, уж очень горделив. На родной язык, от которого он собирается избавиться, толком и не глядит. Вглядывается в толпу, ожидая покупателя» (Перевод наш. – И.К.).

Судя по всему, он не ощущает своей сопричастности к той ценности, которую решил продать. Он гордо и независимо возвышается над ней. Интересно, что тот, кого он принял за покупателя, тоже высок, правда эта высота вполне реальная:

«Арыххэу абы и пацхъэ къохутэ лIы лъагэ экIуж. Абы и нэгур зэлъыIухащ. Напэ къабзи иIэц» [Къанкъул 2004: 86].

«Без особых промедлений перед ним появляется высокий стройный мужчина. Открытый взгляд. Чистое лицо» (Перевод наш. – И.К.).

Лаконичен по форме, примечателен по содержанию этот немой «диалог» двух людей: того, кто возгордился и вознесся, и того, кто высок и строен. А если еще конкретней – «диалог» двух лиц, самоуверенного и гордого с одной стороны, открытого и чистого – с другой:

«Абдежым ар щIалэм и напэм щIэубжытхаш, кыгъазэри бээрэм кы-текIыжаш...» [Къанкъул 2004: 86].

«Тут он плюнул этому парню в лицо, развернулся и покинул рынок...» (Перевод наш. – И.К.)

Стоит отметить, что в этом произведении граница между реальностью и сном прочерчена изначально. Вроде бы нет ситуации «необъявленного сна» (Д.А. Нечаенко), то есть спонтанного вхождения в него читателя, как например, в другом рассказе З. Канкулова, «Белая копоть», когда лишь под занавес произведения выясняется, что все происходящее совершалось в пространстве сна.

Зато выход из сна Муагида Тобикановича оказался не столь однозначен. Это двойной выход. Как показано в начале рассказа, сон осмысливается в реальности яви, где, кстати говоря, имеет место почти обыденный для Муагида Тобикановича торг с коллегой по поводу подтасовки цифр в рабочей документации. Однако ж и реальность яви, в которой герой переосмысливал увиденный сон, тоже оказывается сном.

Как мы уже упоминали, сон в этом рассказе делает акцент не столько на поиске его истолкования, сколько на состоянии того, кому он приснился. В это состояние вовлечен весь его облик, из которого крупным планом выхватывается лицо:

«А дахагъэ псами гу лъимытэ хуэдэи гъуэгум и сэмэгурабгъумкIэ къытет унэхуэм и дэкIуепIэм тес лъыкум. Ар хоплгъэри цысыц, и набдзэ Iувыр хеггэлгъэт, Iуцацгъуэрэ и цхъэ хуопсэлгъэж. Апхуэдэу зыкъомрэ цыса нэужь, ар унэм цIыхъгъэжац» [Къанкъул 2004: 86].

«И мужчина средних лет, восседающий на крыльце большого дома у дороги, точно ее (красоту майского дня. – И.К.) не замечает. Похоже, он в глубокой задумчивости: то брови кустистые сведет, то бормочет себе под нос. Наконец, стряхнул с себя оцепенение, тяжело поднялся и ушел в дом» [Канкулов 2022: 119].

Это лицо показано на контрасте с красотой и оживленностью природы, на контрасте с собственным благополучием и его внешними атрибутами (солидный костюм, галстук):

«КIэлындорым тет гъуджэихуэм къыбгъэдэмыувуIэу хуэшэчакъым. Жэц псам цыса хуэдэу, ешаифэ тетц. Фагъуэц, нитIым къыцеггъэжгъауэ лъэныкъуэ псомкIи цызэбгырыжэ зэлгъахэр нэхъ IутицI хъуац. И нэгур зэхуафакъ, нэхэм цIыIагъэ яцIэтиц. Зэ еплъыгъуэкIэ и нэгум, Iэгурыхъэ-Iэгурыхъуэ куэдэрэ къэзыкIухъа гъуэцI сомым ецхъу, ныкъуэтекIыжаифэ тетц» [Къанкъул 2004: 85].

«Задержался возле большого зеркала в прихожей. Бледный и уставший, словно пил до утра, резче обозначились мелкие морщинки возле глаз. Взгляд тусклый, да и все лицо его тусклое и поношенное, словно медяк, годами ходивший по рукам» [Канкулов 2022: 119].

Благодаря этим деталям становится заметней то, каким образом сообщаются начало и конец поведенного в рассказе сновидения.

После окончательного пробуждения состояние Муагида Тобикановича проступает уже не в чертах лица, а через его дыхание, дух, душу:

«А бзэрым хъэуари цыхуабэц, дунейм, уэрамым утету къыпхуэцIэнукъым. Зи Iэбжи-набжи гъэбыда унэ уцIэт хуэдэц. Хъэуа бэмIар бгъэм цызу жьэдэпшэкIэ псэ тыншы-гъуэ къыуитыркъым. МуIэхъид абы кыгъэушац. Псори зэрыцытац. Нэху цымэ, лэжъапIэ кIуэн хуейц. Псори тэмэмц, зыри къэхъуакъым. Ауэ... Ауэ псэр мэпIейтей. ПцIыхъэпIэ шынагъуэр нэгум цIэт зэпытиц» [Къанкъул 2004: 85].

«Душно на том базаре, будто не на улице находишься, а в затхлом помещении без окон и дверей. Там глубокий вдох не приносит облегчения, спертый воздух лишь обжигает легкие...

Проснулся Муагид от удушья. Ничего не изменилось в мире. Утром на работу. Все нормально, ничего не случилось. Но... но почему же мается душа? Страшный сон не хочет уходить...» [Канкулов 2022: 122].

Подобный выход из сновидения заставляет вспомнить «тему кризисного сна», о которой говорил М.М. Бахтин в связи с героями Ф.М. Достоевского, вернее, как он уточнял, это «тема перерождения и обновления человека через сновидение, позволившее «воочию» увидеть возможность совсем иной человеческой жизни на земле» [Бахтин 2002: 115]. Сложно сказать, ждет ли героя рассказа «Сон» духовное перерождение. Его хмурость в начале рассказа, возможно, предвещает какие-то духовные трансформации. В то же время едва наметившийся мотив угрызения совести отменяется сходу, когда Муагид отвергает мысль о своем сходстве с симпатичным мужчиной, на лице которого образовался жестяной покров («И еще кое-что заметил он. Этот мужчина, продавший совесть, вроде на него... Нет, не похож, совсем не похож!.. [Канкулов 2022: 121]). Можно сказать, что, дважды замыкая этот тяжелый сон, писатель оставляет открытым вопрос о дальнейших трансформациях своего героя.

Так, в пределах небольшого рассказа писателю удается раскрыть различные аспекты внешнего облика персонажей. Мастерски используя язык сновидения, он сосредотачивается на лице как «основном органе» совести, но при этом Заур Канкулов не столько создает образную оболочку смысла, сколько возвращает привычному, примелькавшемуся образу его буквальным смысл.

Список источников и литературы

- Адыгэ псалъальэ 1990 – Адыгэ псалъальэ (Словарь кабардино-черкесского языка). Москва: Дигора, 1999. 860 с.
- Бахтин 2002 – Бахтин М.М. Собрание сочинений. Т. 6. Проблемы поэтики Достоевского. Работы 1960-х – 1970-х гг. М.: Русские словари; Языки славянской культуры, 2002. 569 с.
- Бгажноков 1999 – *Бгажноков Б.Х.* Адыгская этика. Нальчик: Эль-Фа, 1999. 96 с.
- Богданова 2022 – *Богданова Л.И.* Что означает «потерять лицо» в русском языке? // Вестник РГГУ, Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 8. Ч. 1. С. 78–90. DOI: 10.28995/2686-7249-20228-78-90
- Волошин 1988 – *Волошин М.* Лики творчества. М.: Наука, 1988. 848 с.
- Канкулов 2022 – *Канкулов З.М.* Затерявшийся в городе. Повесть, рассказы. Нальчик: Издательство М. и В. Котляровых, 2022. 140 с.
- Къанкъул 2004 – *Къанкъул З.* Къалэм дэгъуэщыхъа: Повесть, рассказхэр. Нальчик: Эльбрус, 2004. 96 н. (*Канкулов З.М.* Затерявшийся в городе: Повесть, рассказы. Нальчик: Эльбрус, 2004. 96 с.).

References

- Adyge psal'al'e* [Dictionary of kabardino-chircassian language]. Moscow: Digora, 1999. 860 p. (In Russian and in Kabardino-Circassian)
- BAHTIN M.M. *Sobranie sochinenij. T. 6. Problemy poëtiki Dostoevskogo. Raboty 1960-x – 1970-x gg.* [Collected Works. Vol. 6. Problems of Dostoevsky's poetics. Works of the 1960s – 1970s.]. Moscow: Russkie slovari; Yazyki slavyanskoj kul'tury, 2002. 569 p. (In Russian)
- BGAZHNOKOV B.X. *Adygskaya ètika* [Adyghe ethics]. Nalchik: El-Fa, 1999. 96 p. (In Russian)
- BOGDANOVA L.I. *Chto oznachaet «poteryat' liczo» v russkom yazyke?* [What does “losing face” mean in Russian?]. IN: Vestnik RGGU, Seriya «Literaturovedenie. Yazykoznanie. Kul'turologiya». 2022. № 8. Part. 1. P. 78–90. DOI: 10.28995/2686-7249-20228-78-90 (In Russian)
- VOLOSHIN M. *Liki tvorchestva* [Faces of creativity]. Moscow: Nauka, 1988. 848 p. (In Russian)
- KANKULOV Z.M. *Zateryavshijsya v gorode. Povest', rasskazy* [Lost in the city]: novel, short stories. Nalchik: M. and V. Kotlyarov Publishing House, 2022. 140 p. (In Russian)
- KANKULOV Z.M. *K'alèm dèg`uèshhyx`a: Povest', rasskazxèr* [Lost in the city]: novel, short stories. Nalchik: Elbrus, 2004. 96 p. (In Kabardino-Circassian)

Информация об авторе

И.А. Кажарова – кандидат филологических наук, старший научный сотрудник сектора кабардино-черкесской литературы.

Information about the author

I.A. Kazharova – Candidate of Science (Philology), Senior Researcher, Kabardino-Circassian Literature Sector.

Статья поступила в редакцию 07.09.2025; одобрена после рецензирования 02.12.2025; принята к публикации 15.12.2025.

The article was submitted 07.09.2025; approved after reviewing 02.12.2025; accepted for publication 15.12.2025.